

Отзыв

Официального оппонента чл.-кор.РАО, доктора педагогических наук,
директора ГБОУ «Центр образования №109»

Ямбурга Евгения Александровича (117513, г. Москва, ул. Академика
Бакулева, дом 20, тел. (499)737-48-58, e-mail: sc 109 @bk.ru) на
диссертационное исследование Пичугиной Викторией Константиновны
**“Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории
античной педагогики»**, представленное на соискание ученой степени
доктора педагогических наук по специальности 13. 00. 01 – общая
педагогика, история педагогики и образования

Актуальность темы становится очевидной, коль скоро мы принимаем позицию замечательного русского педагога С.И. Гессена, рассматривающего педагогику как прикладную философию. (Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.) Он справедливо утверждал, что «Задача школы остается по-прежнему ограниченной тем, что она в порядке живого предания передает юности ценности, накопленные старшими и унаследованные ими в свою очередь от предыдущих поколений».

Автор исследования осознает необходимость оценки изменений, происходящих в современном образовании сквозь призму фундаментальных образовательных идеалов. Исследование антропологического дискурса невозможно без обращения к истокам: к тому периоду древней истории, когда философия представляла собой целостное знание о мире и человеке. Это тем более важно, что за истекшие десятилетия педагогика практически потеряла живую связь с философией, погрузившись в инструментальные детали и частности, постепенно вытесняя на второй план подлинные ценности и смыслы культуры. Но без них в педагогике невозможно целеполагание. Не случайно еще римский философ Сенека заметил: «Если не знаешь куда плыть, никакой ветер не будет попутным». Отсутствие внятной постановки целей образования приводит к тому, что наш образовательный корабль постоянно швыряет из стороны в сторону. В реальности это выглядит так, что мы попеременно во главу педагогического угла ставит то личностную детоцентрическую парадигму, то начинаем молиться так называемому компетентностному подходу в образовании.

Казалось бы, что может дать современному педагогу обращение к древнегреческим текстам? Очень многое, ибо именно там зародились две

фундаментальных парадигмы развития цивилизации: аристотелевская, расщепляющая мир на части, с последующим их подробным изучением, и платоновская – настаивающая на целостном восприятии мира. На долгие столетия победила аристотелевская парадигма, поскольку она наиболее полно соответствовала исторической тенденции разделения труда, развитию частных наук, отпочковавшихся от философии, добывавших точные конкретные знания, помогавшие человеку в его землеустроительстве. Казалось, что победа эта безраздельна.

Но уже в середине прошлого века наиболее тонкие мыслители и художники почувствовали исчерпанность аристотелевской парадигмы. Примерно в то же время, когда С.И.Гессен писал свои работы, Антуан Экзюпери создает роман «Цитадель», главный герой которого замечает: «Мир представляется мне веточками разбросанного веника, и не хватает божественного узла, чтобы связать его воедино».

Тоска по целостности обострилась после Второй мировой войны, которая до предела обнажила крах так называемого прогресса, который не спас от моральной катастрофы, явленной в гитлеровских лагерях и ГУЛАГе, в депортации целых народов в России и холокосте в Европе. Между тем аристотелевская парадигма продолжала набирать обороты. Скорость и интенсивность ее развития привела к тому, что цивилизация пошла в разнос. Мир в сознании современного человека попросту начал разваливаться на части, лишая его цели и смысла существования. Отсюда горькая метафора постмодерниста Беккета: «Голый человек на каменистой земле и пустое небо над ним».

Можно ли говорить о полной исчерпанности аристотелевской парадигмы? Разумеется, нет! Руководствуясь исследовательским инстинктом, который, как утверждают генетики (Эфраимсон) есть даже у мышей, человек будет продолжать научный поиск, углубляясь в частности, обеспечивая себе тем самым комфорт, долголетие и прочие блага цивилизации, пока не исчерпает до дна все природные ресурсы. Но именно поэтому сегодня как никогда актуально возвращение к платоновской целостности, ибо именно она является философским противовесом саморазрушению. Угрозы и вызовы нового тысячелетия ставят новые цели воспитания. Для того чтобы справиться с невероятно сложными проблемами, потребуется человек умелый, мобильный, инициативный, берущий на себя ответственность, но в то же время способный к аскезе, к самоограничению. Понимание новой

реальности заставляет современных педагогов пристально вчитываться в тексты, созданные на заре цивилизации, содержащие в свернутом виде пути ее развития.

В еще большей мере актуально обращение к философской этике древних. Именно в этом контексте автор исследует развитие антропологического дискурса «заботы о себе». Здесь тоже все не однозначно.

С одной стороны античный идеал «заботы о себе» породил такие доблести, впечатанные в ментальность современного западного человека как: индивидуализм, самостоятельность, привычка к упорному труду, крепость духа перед лицом беды, отказ принять поражение и т.п. Эти черты личности мы видим в Одиссее, просматриваем в суровом стоицизме римских философов. Они восхищают нас в титанах Возрождения. Их же с плохо скрываемой завистью фиксируем в американском образе мышления.

С другой стороны, из того же корня избыточный антропоцентризм эпикурейцев, гедонизм элиты поздней римской империи накануне развала, аморализм эпохи Возрождения, разрушающий личность современного человека культ потребления. Все эти признаки рано или поздно ведут к распаду личности и миропорядка.

Божественным узлом, связующим распадающийся мир, о котором мечтал в сороковые годы прошлого века герой романа «Цитадель», в первом веке нашей эры стало христианство, провозгласившее принцип «заботы о себе после всех». Положив в основу ценностной вертикали Святыни, она вернуло человечеству утраченную целостность, объявив главными доблестями верность обретенной вере, смирение и аскезу. Стяжание благодати взамен стяжания благ земных легло в основу христианской этики. На этом фундаменте, равно как и на античной философии выросла и окрепла европейская цивилизация, сумевшая ассимилировать варваров, пережить ряд катастроф, включая религиозные войны. Христианская антропология, основанная на интуиции и прозрении, не вытеснила до конца навыки рационального позитивистского мышления, заложенные древнегреческими философами. Обе логики постоянно находились и находятся в диалоге.

Не случайно недавно ушедший от нас поэт Владимир Корнилов, испытав шок от поведения соотечественников, внезапно обретших свободу, ставит вопрос ребром:

Что такое свобода?

Это кладезь утех?

Или это забота

О себе после всех?

Вечный, как мир вопрос, над которым от века бьются теологи и философы. Двое из них, на мой взгляд, ближе всего подошли к решению проблемы соотношения стремления человека миру Горнему и его желанию принимать активное участие в обустройстве мира земного.

Один из них протестантский теолог Дитрих Банхеффер, казненный нацистами в 1945 году за участие в заговоре против Гитлера: «Человек создан из глины земной, а не из воздуха и мыслей. Во всей мировой истории есть только один важный момент – настоящее. Если вы взыскуете вечности, служите времени. Боюсь, что христиане стоящее в этом мире лишь на одной ноге, останутся с поджатой ногой в раю.» Теолог – принимавший участие в покушении на Гитлера. Одно это говорит о многом.

Другой – российский философ и педагог В.С. Библер, который считал, что мы живем в период смены логики, которой руководствуется человечество в своем стремлении понять мироустройство. А именно: от одной логики (рациональной на данном этапе) мы переходим к диалогике – диалогу разных логик. «Логика грядущего двадцать первого века – диалогика – способна совместить в себе разные логики: как те, что существовали в прежние исторические эпохи, так и новые, еще только нарождающиеся». Совмещение разных логик, о которых ведет речь философ, есть не что иное, как трезвое осознание необходимости и возможности всестороннего обсуждения общих проблем на разных языках: мировоззренческих, конфессиональных, этнокультурных. На этих путях достигается целостность и ценность образования.

Надеюсь, сказанного достаточно, для того чтобы по достоинству оценить актуальность проведенного исследования. Вместе с тем, сам автор, обосновывая актуальность своего исследования, рассматривая «заботу о себе» в качестве антропологического содержания античной педагогики, как воспитание ответственного отношения к собственному образованию, на мой взгляд, напрасно вычленяет педагогическую антропологию из общего философского и культурологического контекста.

Да, согласно выводам французского философа и культуролога М. Фуко, на которого ссылается автор диссертационного исследования, в Античности «забота о себе» не только не была связана с эгоизмом и самозамыканием, но и в принципе исключала все то, что на языке современной науки носит название деструктивных изменений личности. Но в двадцать первом веке мы имеем полное представление о том, как происходит отчуждение самых благородных идей, которые трансформируются в собственную противоположность. С этих позиций я бы не стал рассматривать «заботу о себе» как античную педагогическую монаду. Актуализация ее в различных историко-культурных и педагогических контекстах, на мой взгляд, только обнажает актуальность проведенного исследования. Тем не менее я с пониманием отношусь к тому, что будучи ограничен рамками исследования, автор сосредоточен на анализе прежде всего педагогического феномена «заботы о себе».

Логика изучения антропологического дискурса «заботы о себе» обусловила выбор объекта исследования. Это античная педагогика второй трети VI в. до н.э. – первой трети VI в. н. э. Но за столь долгий период предмет исследования (педагогическое содержание феномена «забота о себе») претерпел изменения и трансформировался в условиях распространения христианства. Автор исследования это прекрасно осознает, поскольку подробно рассматривая труды христианских теологов и мыслителей Тертуллиана, Оригена, Августина, Иоанна Златоуста и др. фиксирует новые ограничения, основанные на том, что земная жизнь, в рамках которой осуществляются заботы о душе, теле и городе, менее значима в сравнении с жизнью вечной. Для христианских мыслителей «забота о себе», оставалась самообразовательной практикой, но теперь она разворачивалась во имя укрепления себя в вере.

Но коль скоро меняются цели и приоритеты образования, видоизменяются способы проектирования себя, образовательные маршруты ученика и взрослого, ожидания от наставника, от которого в первую очередь ждут просветления, а не отточенной работы мысли.

В изложении автора работы процесс трансформации «заботы о себе» выглядит естественно, органично и благостно. Позволю себе усомниться в таком бесконфликтном развитии рассматриваемого педагогического феномена. Отголоски тех споров докатились до двадцатого века. Не

случайно уже упоминавшийся протестантский теолог Дитрих Бонхоффер назвал в одной из своих проповедей «дух Греции», он же «гуманизм» злейшим врагом христианства.

Все дело в исходных установках исследователя. Их может быть две. Первая нацеливает на преемственные связи в культуре. Вторая – на диалог культур, иногда, на определенных стадиях развития, перерастающий в конфликт, порождающий кризис. В принципе допустимы обе. Автор работы выбрал первую установку. **Мне же представляется более продуктивным изучение культурных феноменов сквозь призму цивилизационных кризисов.** Таково первое замечание по диссертационной работе.

Обоснованность научных, положений, выводов и рекомендаций исследования обусловлена, прежде всего, серьезной источниковедческой базой данной работы. Автор детально изучил свыше 90 памятников античности и труды христианских мыслителей, прочитав их не в переводах, а в подлинниках, сравнил полнотекстовые версии на древнегреческом и латинском языках с современными критическими изданиями и английскими переводами, что само по себе вызывает уважение.

Достоверность полученных результатов не вызывает сомнений, поскольку опирается на солидную методологическую базу. Перед нами, по сути дела, серьезное кросскультурное исследование, проведенное на междисциплинарном уровне с использованием методов дискурс-анализа, системного анализа, герменевтического анализа, сравнительно-сопоставительных методов, а также методов историко-педагогической интерпретации. Кроме того, в исследовании использовались современные электронные средства, позволившие осуществить отбор, анализ и систематизацию педагогических текстов в корпусе античных текстов.

К теоретической значимости работы следует отнести:

- рассмотрение дискурсивной проблематики, расширившейся в современных гуманитарных науках, на поле историко-педагогического исследования,
- введение в научный оборот источников, которые ранее не рассматривались как историко-педагогические источники,
- анализ диалектики взаимоотношений этических и религиозных идеалов в реальной педагогической практике античности и раннего средневековья,
- в целом само проведенное автором кросскультурное исследование открывает новые онтологические и методологические перспективы гуманитарного познания в области историко-педагогических исследований.

Практическая ценность работы органично сопрягается с ее теоретической значимостью. Очевидно, что будущие исследователи возьмут не вооружение апробированную автором методологию, примененную автором при анализе историко-педагогического феномена. В этом смысле работу следует признать эталонной. Но мне бы не хотелось сводить всю практическую значимость исследования к междисциплинарному инструментарию, виртуозно примененному автором. Этим теоретико-методологическим багажом, несомненно, воспользуются будущие историки педагогики.

На мой взгляд, практическая значимость работы шире и глубже. Она не сводится к узкопрофессиональным (цеховым), утилитарным результатам, когда наука существует лишь для науки, будучи доступной только узкому кругу посвященных.

Нарастающие угрозы и вызовы наступившего нового тысячелетия требуют мобилизации всех культурных ресурсов. В таком контексте антропологический подход к проектированию и построению образования представляется невидимым противовесом нарастающему хаосу и агрессии, уровень которой зашкаливает. В свою очередь, педагогическая антропология, предполагает развития у новых, вступающих в жизнь поколений способности к диалогу, совмещению разных логик (по Библеру): научных, конфессиональных, этнокультурных.

Научная новизна исследования видится мне в том, что в нем представлен генезис антропологического дискурса «заботы о себе» античной педагогики как своеобразной культурно-ментальной детерминанты поведения субъектов педагогической реальности. Это позволило автору обосновать логику исторического развития содержания и форм педагогической деятельности конкретной эпохи. В работе во многом по-новому охарактеризованы основные этапы развития антропологического дискурса «заботы о себе» на основе систематизации и обобщения представлений о высшем этапе образования и самообразовании, как это представлялось античным мыслителям разных исторических периодов. Также отметим, что в диссертации разработана методология исследования историко-педагогического процесса в логике антропологического дискурса рассматриваемой эпохи, которую автор исследует через исторически адекватные педагогические понятия, метафоры, нарративы и концепты.

Проведенное исследование только выиграло бы, коль скоро автор более детально сосредоточился на проблеме диалога культур на богатом с этой точки зрения материале педагогического феномена античности «заботы о себе». Тогда исследование приобрело бы другой масштаб и смысл созвучный философскими подходами М. Бубера, М. М. Бахтина, В. С. Библера. Ведь педагогика, как не говори – прикладная философия. Это вторая претензия к автору исследования.

Личный вклад исследователя не вызывает сомнения, работа, безусловно, оригинальна. Самой высокой оценки заслуживают публикации диссертанта.

Заключение.

Диссертация Пичугиной Виктории Константиновны соответствует пп. 9, 10, 11. 12, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13. 00. 01 – общая педагогика, история педагогики и образования.

Официальный оппонент

Чл.-кор. РАО, доктор педагогических наук,

Директор ГБОУ «Центр образования №109

Е. А. Ямбург